

**Elena Gnatovskaya (Primorye State Agricultural Academy),
Alexander Kim (Vladivostok State University of Economics and
Service)**

ПРОТЕСТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ДВЖД В 1930-Е ГОДЫ

Вопросы о репрессиях на ДВЖД в сталинский период во многом остаются малоизученными. Среди российских ученых данная тема сравнительно редко вызывает интерес, так как многие исследователи полагают, что исследования по теме репрессий на КВЖД¹ являются более перспективными.

Еще одной проблемой является сбор материалов по данному вопросу. Специалисты, изучающие репрессивные события на Дальнем Востоке, столкнулись с тем, что по многим процессам того времени очень сложно найти данные. Например, о стачке на ДВЖД в 1927 г. можно привести только упоминания в обвинительных заключениях по политическим процессам 1930-х гг. Но при этом совершенно неясно многое: причины, условия, процесс и итоги этой акции неповиновения.

Поэтому тема сталинских репрессий на ДВЖД обратил ан себя внимание только нескольких ученых – в частности, ее касались в своих работах дальневосточные ученые Головин С.А.², Дубинина Н.³, Еланцева О. П.⁴, Ковальчук М.А.⁵. Необходимо отметить, что вышеуказанные авторы собрали большое количество материалов по теме репрессий, провели скрупулёзную работу по написанию научных публикаций. Но при этом они оставили без внимания протестные выступления железнодорожников. Поэтому у читателя поневоле может сложиться впечатление, что сотрудники железной дороги

---

¹ В данном случае мы подразумеваем только те железнодорожные пути, которые проходили по Северо-Восточному Китаю. В состав КВЖД в свое время входили и те направления, которые проходили по российской территории – например, Уссурийская железная дорога.

² Головин 2005.

³ Дубинина 1989.

⁴ Еланцева 1994.

⁵ Ковальчук 1997.

воспринимали карательные действия репрессивной системы безропотно и не оказывали сопротивления.

Работа журналиста Сутурина А.С.⁶ отличается тем, что старался охватить все аспекты репрессивной политики в регионе, поэтому в его книге представлены материалы по протестным действиям дальневосточных железнодорожников. Он был исследователем, который затронул тему протеста сотрудников против репрессий и гонений в сталинское время.

Обеспечение массовой поддержки власти является одной из главных задач любого политического режима. В 1920 - 1930-е годы в Советском государстве массовая поддержка сталинизма со стороны населения достигалась разными способами, но в дальнейшем власть предпочла пойти по пути насильственного изменения общественного сознания. Это привело к протестным настроениям среди населения (в том числе и на железной дороге), которые выражались разными способами и имели под собой разные причины. Поэтому мы задались следующими вопросами:

- Каковы были причины поддержки власти и протеста против нее среди работников ДВЖД?
- Против чего был направлен какой-либо конкретный протест отдельных групп сотрудников?
- Жесткость подавления протестных настроений властными структурами – был ли это залог победы режима?

Ответы на эти вопросы лежат в плоскости выявления противоречий между властью с одной стороны, и общественным сознанием с другой стороны. Поэтому в данной статье авторы ставят цель через анализ индивидуального и общественного сознания профессиональной группы дальневосточных железнодорожников выявить закономерности и особенности восприятия и отражения политики 1920 - 1930-х гг. на ДВЖД.

Способами насильственного изменения массового сознания в данный период были не только политические чистки и репрессии, но и экономическое и внеэкономическое (в, частности, социальное) принуждение, выразившееся, в

---

⁶ Сутурин 1991.

частности, в насильственном удержании работников транспорта на Дальнем Востоке.

Выбор авторами в качестве объекта исследования ДВЖД обусловлен особой её ролью в период сталинской модернизации 1930-х гг. на Дальнем Востоке. Это предприятие отличалось огромной численностью, по тем временам, сотрудников (до 80 000 чел), значительной прослойкой высококвалифицированных работников (кадровых рабочих с дореволюционным стажем) и их сравнительно высокой мобильностью.

ДВЖД 1930 х гг. представляла собой не только хозяйственную, но и политическую организацию, с огромным политическим аппаратом, от секретарей партийных ячеек, парткомов, партбюро до политотдела ДВЖД. Политика ВКП(б) различными способами транслировалась в структуру предприятия и общественной организации, а так же отдельной личности. Модели идентификации личности с правящей партией также были различными. Рабочие, являясь объектом партийного влияния, проявляли себя и как субъект политики через активность на собраниях, их критику вождей, игнорирование политпросвещения и советских праздников, наконец, выход из партии.

При этом данная структура являлась важнейшей транспортной артерией, связывавшей Дальний Восток с другими регионами страны. Она позволяла перебрасывать большое количество грузов и людей в разные области и края. Это особенно ярко проявилось во время сталинских репрессий, когда была необходимость перебрасывать материальные ресурсы и депортируемое население на большие расстояния. Причем такие перевозки охватывали большой ассортимент разных товаров⁷.

В составе контингента дальневосточных железных дорог были и так называемые «бывшие» железнодорожники - т.е. представители старой классовой структуры дореволюционного общества: служившие в царской армии и белой армиях, раскулаченные, спецпоселенцы, заключенные и вольнонаемные работники Бамлага (Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь), харбинцы (бывшие

---

⁷ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 8043. Оп. 11. Д. 32. Л. 62 – 62об.

работники КВЖД из г. Харбина)⁸. По отношению к ним действия власти носили в значительной степени репрессивный характер, хотя они, в своем большинстве, намеревались мирно встроиться в новое советское общество. В источниках тема присутствия или «засоренности» железнодорожного транспорта классово-чуждыми или социально-чуждыми элементами проходит красной нитью.

Основной массив источников по данной теме представляют протоколы партийных собраний, в большом количестве сохранившиеся в фонде политотдела ДВЖД – ГАХК. Ф.П. 78 и в фондах политотделов отделений дороги – ГАПК. Ф.П. 81, 82, 86.

Партийные собрания отличались между собой формой проведения и статусом (согласно партийной иерархии). По форме они подразделялись на открытые (с массовым привлечением беспартийных к мероприятию) и закрытые собрания, которые как правило, были общими для тех, кто были связаны с партией. То есть такие мероприятия проводились с присутствием как членов ВКП (б), так и кандидатов в члены ВКП (б), а по статусу - на собрания первичных партийных организаций (ячеек), станций и узлов. Поэтому, в процессе партийных чисток или массовых репрессий, персональные дела коммунистов рассматривались поэтапно, что позволяет раскрыть во всех подробностях трагедию личности в данном процессе. Так, например дело «троцкиста» Г.П. Артюшина было отражено как минимум в четырех документах: протоколе узлового партсобрания от 21.08.1935 г.; протоколе собрания первичной парторганизации ПВРЗ (Паровозо-вагонный ремонтный завод) от 07.09.1936 г.; информационной справке в КК (Контрольные комиссии) ВКП (б) и НКВД по ДВК (Дальневосточный край) от 1.01.1937 г. и записке начальнику политуправления НКПС (Народный Комиссариат путей сообщения) от 1.02.1937 г.

---

⁸ КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. В 1934 г. была продана Советским Союзом марионеточному прояпонскому государству Маньчжоу-го под давлением внешнеполитических обстоятельств. Советские сотрудники этой дороги в основном были переведены в СССР на разные предприятия, большей частью в дальнейшем репрессированы.

Предметом обсуждения на партийных собраниях, кроме персональных дел, чаще всего были решения пленумов и партийных съездов, директивы всесоюзных конференций; закрытые письма ЦК ВКП (б) и такие же документы вышестоящих партийных органов.

Рассмотрим для примера протокол закрытого общего собрания членов и кандидатов ВКП (б) ячейки № 37 станции Владивосток от 28 сентября 1927 г. Первым в повестке дня был отчетный доклад бюро ячейки о проделанной работе, за которым следовали прения по докладу. Анализ содержания прений показало, что наряду с текущими вопросами, затрагивались и острые политические темы. Так, рабочие сетовали на отсутствие информации «об оппозиционных течениях в партии». Коммунист Нерадовский: «Мы не знаем даже тех ложных, обманчивых предложений оппозиции по экономическим вопросам и международно-политическим». Другой партиец – Шах с уверенностью утверждал, что вскоре в газете «Правда» будет «страничка дискуссий по вопросам предложений ЦК и оппозиции». Третий участник прений – Сычев: «рабочие мало знают об оппозиции»⁹. Как видим, данный источник дает срез массового сознания рабочих по отдельной проблеме. Обеспокоенность рабочих отсутствием достоверной и полной информации о политических процессах в партии и ЦК представлена здесь в закамуфлированной форме: хотя предложения оппозиции «ложные и обманчивые», но рабочие хотят с ними ознакомиться для себя и для работы с «беспартийной массой».

Вторым по значимости источником являются различные информационные сводки политических органов и органов НКВД на транспорте, сохранившиеся в фонде управления ДВЖД – ГАХК. Ф.Р. 730. Это политдонесения, спецсообщения, докладные записки, посылаемые в адрес политотделов отделений и дорог, дающие информацию о политических настроениях, о нарушениях трудового законодательства или по вопросам пропаганды и агитации. Данная группа документов носила секретный характер, поскольку фиксировала исключительно «отрицательные» политические настроения.

Так, например, политдонесения отрядов военизированной охраны ДВЖД включали перечень вопросов: от политических

---

⁹ ГАПК (Государственный архив Приморского края). Ф.П.86. Оп.1. Д.3. Л.10(об).

преступлений, настроений, аморальных явлений, до состояния дисциплины, служебных и организационных вопросов. Тексты политдонесений распечатывались в трех - пяти экземплярах и направлялись в райком ВКП (б), прокурору дороги, в ДТО ГУГБ НКВД (дорожно-транспортный отдел Главного управления государственной безопасности НКВД). Они воспроизводят как официальный, так и неофициальный дискурс.

Анализ стенограмм партийных собраний показывает, что с конца 1920-х гг. на ДВЖД произошел уход от дискуссионных практик, которые существовали до середины 1920 - х гг. После решений XIV партийного съезда о недопустимости открытой всесоюзной дискуссии без специального постановления вышестоящих органов партии, атмосфера партийных собраний резко изменилась. В целом можно констатировать, что степень включенности рабочих железнодорожников в политическую жизнь страны в середине 1920 - х гг. была высокой.

В 1927-м году отмечалось десятилетие Октябрьской революции, но в обществе и в партии не было единодушия по вопросу о путях строительства социализма. Однако со временем железнодорожникам открыто высказывать свои сомнения или недовольство становилось неудобно и даже опасно. Эти изменения зафиксировали протоколы партийных собраний ДВЖД. Демонстрация как допустимых, так и несанкционированных образцов поведения разворачивалась на партийных собраниях. Так, на закрытом партийном собрании двух ячеек станции Владивосток при обсуждении итогов объединенного пленума ЦК ВКП (б) и ЦКК от 21–23 октября 1927 г. четко выявились две позиции по отношению к исключению Г.Е. Зиновьева и Л.В. Троцкого из ЦК ВКП (б).

В конце 1932 - начале 1933 гг. железнодорожники ДВЖД, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР подверглись «военизации». На август 1933 г. общее число военизированных железнодорожников составило 14 430 человек – около 50 % от состава. Железнодорожники, были ограничены в правах, их уход с транспорта расценивался как дезертирство. В то же время железнодорожникам и членам их семей полагались

льготы в виде освобождения от налогов, предоставления дополнительного питания (продовольственный паек)¹⁰.

Какова была реакция на этот документ, свидетельствуют очевидцы:

– Трудовую дисциплину до чего довели, пришлось военизировать;

– Кормили бы лучше, и дисциплина была б;

– Доруководились...

– Дело значит плохо, япошка близко, коли из нас военных делают.

– Лишь бы давали военный паек, а там хоть десять раз военизировали¹¹.

В этих цитатах еще нет персонификации отдельных представителей власти, она воспринимается в безличной форме множественного числа: «довели», «доруководились». Военизацию же рабочие воспринимали как еще один способ внеэкономического принуждения. Но, с другой стороны, они восприняли это положительно, так как стали получать форму материального обеспечения – паек. Другими мотивами высказываний с критикой власти было признание недееспособности властей всех уровней и ощущение растущей военной угрозы. Дальневосточный крайком ВКП (б) запланировал на январь 1933 г. проведение собраний коллективов железнодорожников для показательного одобрения указов о военизации, но массового одобрения не получилось. Так 12 января 1933 г. на узловом собрании в городе Ворошилове (современный город Уссурийск), в присутствии 512 коммунистов и 105 кандидатов кадровый рабочий З.А. Тычинский, обвинил «верхи» в плохой организации труда и падении дисциплины. Его поддержал председатель месткома, главный кондуктор Ходарин: «Вы все сваливаете на низы, а головки где?»¹²

---

¹⁰ В тот период времени паек для железнодорожников был почти таким же, как и у советских солдат. В суточную норму входили: 1200 грамм хлеба, 20 грамм муки, 150 грамм крупы, 10 грамм макарон, 150 грамм мяса, 70 грамм сельди, 20 грамм жира, 30 грамм растительного масла, 400 грамм картофеля, 150 грамм капусты, 50 грамм свеклы, 30 грамм моркови, 30 грамм лука. Поэтому железнодорожники были рады такому пайку. Но в дальнейшем это норма несколько раз уменьшалась на протяжении нескольких лет.

¹¹ ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф.1676. Оп.1. Д.10. Л.46

¹² ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.1. Л.46.

С ними был солидарен кочегар водокачки станции Надеждинская Жогов, который на другом собрании в человек сказал: «Докладчик говорил, что по вине низкой простаивают вагоны и т.д. Я думаю, это – враньё, здесь рабочие виноваты, а виновато начальство, которое со своих плеч хочет столкнуть на рабочего»¹³. Та же негативная оценка «верхов» прозвучала и на собрании Владивостокского железнодорожного Член ВКП (б), рабочий депо Первая Речка Немцев в прениях по докладу, посвященному классовой бдительности, сказал: указывает на то, что мы должны следить за классовым врагом, который постарается использовать данное положение в своих интересах, я бы сказал, что у нас классового врага сейчас нет, и откуда его взял докладчик <...>, а упадку дисциплины служат другие причины»¹⁴. Рабочий решительно отвергал внедряемый в массовое сознание сталинский лозунг об усилении классовой борьбы.

Таким образом, в январе - феврале 1933 г. социальная напряженность на ДВЖД стал достигать своего апогея. Настороженно-выжидательные настроения рабочих в отношении военизации сменились глубоко депрессивными, а у части рабочих и предзабастовочными. Вот обрывки разговоров рабочих, зафиксированные в документе от 16.02.1933 г.: «... нас сделали военными, а паек не прибавили, не стали давать в кооперации. Зарплату не выплачивают, <...> это идет к тому, что ее совсем не выплатят и выйдет, что мы работаем даром <...> сейчас никакой защиты не найдешь, ни от администрации, ни от профсоюза, тем более пришла военизация <...>, бросить работу...»

Разочарование и ощущение социалистического тупика звучит в следующем горьком выводе ряда сотрудников ДВЖД: «Пожалуй, ни мы, ни наши дети не увидят социалистического общества»¹⁵. Рабочий кузнечного цеха Ворошиловского Ремзавода города Павлович выступил с открытым вопросом к партии власти: «Знает ли РКП (б), что рабочий сидит голодный, разутый?»¹⁶

---

¹³ ГАПК. Ф.П.1. Оп.1. Д.126. Л.37.

¹⁴ ГАПК. Ф.П.1. Оп.1. Д.298. Л.8.

¹⁵ ГАХК.Ф.1676. Оп.1. Д.10. Л.46.

¹⁶ ГАПК. Ф.П.1. Оп.1. Д. 298. Л.8.

Если кадровые рабочие поднимали политические вопросы, то молодые, завербованные на железнодорожный транспорт после демобилизации из Красной Армии, на первое место выдвигали выдвигали вопросы обеспечения обмундированием и продовольствием. Стрелок военизированной охраны ДВЖД Миллер заявил: «На политзанятия не пойду, пусть мне выдадут сапоги, тогда буду ходить. Почему мне не дают сапог, мне ходить не в чем, белья мне тоже не дают, у меня порвались сапоги, и я хожу как БАМовец».¹⁷

Его заявление имело под собой реальную почву. Прокурорские проверки 1930 - х гг. свидетельствовали, что «в БАМЛаге нет запасов ни белья, ни сапог, ни одежды. Мыла нет. Многим не в чем выйти в уборную. Идут на новую трассу разутые и раздетые этапы. Жилья нет, строить жильё нечем, нет инструмента, пил, топоров. Положение с питанием катастрофическое».¹⁸

Жительница города Тында Мария Георгиевна Иванова, которая будучи еще маленькой девочкой, видела заключенных этого лагеря, вспоминала: «... А одеты они, БАМовцы, были кто в чем, как, наверное, арестовали, так и в лагерях донашивали свою одежду. А на ногах обрубки от покрышек, прикрученные проволокой».¹⁹

Другой стрелок военизированной охраны ДВЖД Нетеса, при назначении его в наряд по случаю приезда секретаря крайкома ВКП (б) И.М. Варейкиса, заявил, что зачем одеваться прилично, можно встречать партийного чиновника и в рваных полушубках. Наконец, собрание членов ВКП (б) узла Владивосток, рассмотрев вопрос «О демобилизованных красноармейцах» вынуждено было признать, что нарушения трудовой дисциплины связаны с плохими бытовыми условиями.

Распространенными формами протеста рабочей молодежи на железной дороге был отказ от соревнования, политзанятий и, наконец, отказ от работы. Политические настроения бойцов военизированной охраны и других сотрудников ДВЖД во многом определялись их социальным происхождением. Многие из них пришли на железную

¹⁷ ГАХК. Ф.Р.730. Оп.3. Д.230. Л.70.

¹⁸ ГАРФ (Государственный архив РФ), ф. Р-8131, оп. 37, д. 111, л. 5-6.

¹⁹ [http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/repression/repression-x=011\\$09.php](http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/repression/repression-x=011$09.php) (дата обращения 2.09.2016).

дорогу из сельской местности. Бывшие крестьяне, они откровенно высказывали свое недовольство политикой коллективизации и репрессий, переносили его в коллективы нового места своей работы.

Так, например, шофер Петр Федорович Буланенко, 1917 омских крестьян, отказывался подписываться на государственный заем. «Раньше мы жили до коллективизации хорошо, имели свое хозяйство, содержали 15 коров, 7 лошадей, три пары волов, бесчисленно овец и все это государством было отобрано. Нам государство ничего не дает, и поэтому я не намерен подписываться на заем третьей пятилетки»²⁰. В итоге он был уволен. Стрелок Махалай, родом из крестьян, рассказывал с иронической усмешкой о пожаре в своем колхозе: «Жаль, что мало сгорело, если бы мне колхоз отдал все мое имущество, я бы здесь не служил». А стрелок Меренюк заявил, что его жена работала в колхозе целый год и ничего за это не получила и теперь голодает. Рабочий критиковал советскую власть за социальное неравенство, заявляя о том, что рабочие не имеют возможности отдавать своих детей в высшие учебные заведения, а «специалисты» получают большие деньги и могут детей учить в вузах. Некоторые рабочие называли комсостав по-крестьянски «мироедами»²¹.

Ухудшение социально-экономического положения в 1932 - 1933 гг. в результате провала первой пятилетки вызвало рост протестных настроений по всей стране, и железнодорожники самой восточной железной дороги были осведомлены об этом.

Одной из форм протеста были листовки, надписи на стенах в общественных местах, анонимные записки. Так в 1933 г. в кочегарке электростанции депо Никольск-Уссурийского было расклеено воззвание со следующим содержанием: «Неужели не видите и не чувствуете, что из нас пьют последнюю кровь. Введено военное положение, ездят палачи, именуемые верховным судом. Увольняют, снимают с пайка всю семью... А теперь будут предавать суду и расстреливать. Палачи всю страну разграбили, нас голодных и раздетых заставляют работать. Довольно пить кровь, и всем бросить работу – все

²⁰ ГАХК. Ф.Р.730. Оп.3. Д.230. Л.54

²¹ ГАХК.Ф.П.78. Оп.1. Д.667. Л.113

равно всех передушат. А мы предаем один другого. Предателей, именуемых коммунистами, убивать на месте. Начинайте дружно»²². дружно»²². Это был прямой призыв к мятежу, никем не поддержанный.

А в конце июля 1934 г. в партком депо Никольск-Уссурийского принесли подозрительное письмо из г. Ленинграда. В нём наряду с темой голода вскрывалась антирабочая сущность советского государства. «Власть жидов и господ большевиков создала голодную армию заключенных <...>. Мало что создали произвол по поверхности одной шестой части земного шара, но ещё показали пример международной буржуазии, как расправляться с трудовым населением. <...>. А тупоумные коммунисты всё утешают нас и не дают возможности организовать. <...> С одной стороны – неорганизованность и несправедливость, а с другой – неограниченная эксплуатация, приводящая к вырождению пролетариата. <...> Данная государственная система влечет за собой печальные последствия».

Этот радикальный манифест содержал программу действий, включая ликвидацию руководства компартии:

1. Ликвидировать руководство компартии.
2. Ликвидировать тюрьмы, лагеря.
3. Восстановить индивидуальные хозяйства в деревне.
4. Предоставить свободу печати и слова.
5. Легализовать стачки²³.

Парторг Ворошиловского депо Николай Иванович Жаров знал о существовании подобных писем, но не знал, что ему с этим делать и как поступать. Он стоял перед выбором, стоит ли информировать о нём местных коммунистов, для, так сказать, заострения бдительности, ведь у местных рабочих также проскальзывают словечки о принудительном труде в СССР. Но это могло только ухудшить общую ситуацию на железной дороге.²⁴

²² ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.16. Л.56

²³ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.33. Л.242

²⁴ Жаров Николай Иванович, 1898 г.р., уроженец Москвы, арестован 9 мая 1937 г., обвинён по ст. 58-1а, 58-9, 58-11 УК РСФСР. Расстрелян 27.06.1937 г. Реабилитирован 25 мая 1957 г. по определению ВК ВС СССР (Военная коллегия Верховного суда СССР) за отсутствием состава преступления.

О распространении антисоветских настроений в депо свидетельствует следующий случай. Электромонтёр депо в городе Ворошилове Приходько, уходя домой, оставил ребус: «Товарищ, опомнись! Россия гибнет, кто не работает, тот ест. Кажется не верно, зачеркнуть «не» и добавить Кто работает, тот не ест, а питается, а ест тот, кто не работает». любитель шуток и ребусов, напившись как-то раз, заявил, что уберегли Ленина, теперь всё пошло наоборот. Труд рабочих не ценится, и им приходится работать только за хлеб, а рубашку купить не на что». Рабочий пришел к горькому разочарованию: «Раньше я был партизаном, боролся за советскую власть, а теперь я понял, что ошибся и порвал партизанский билет». На собрании цеховой профгруппы, где разбирали его проступок, неугомонный Приходько выкинул очередную шутку: «Был я в рабочем клубе имени Чумака, а там стоит фигура рабочего, у которого разорваны цепи, но оковы на руках остались».²⁵

Итак, к концу 1934 г. радикализм общественных настроений среди рабочих ДВЖД значительно усилился вплоть до неприятия ими власти правящей коммунистической партии и осознания ошибочности социалистического выбора.

Через две недели после убийства секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова, рабочие стали свидетелями развертывания первой крупной политической провокации, идущей из Кремля. В общественное сознание была вброшена идея о связи убийства Кирова с деятельностью контрреволюционной подпольной антисоветской группы «Ленинградского центра». 16 декабря 1934 г. Зиновьева и Каменева были арестованы, а на следующий день газета «Правда» уже вынесла окончательный вердикт по ним: С. Киров убит «рукой злодея-убийцы, подосланного агентами классовых врагов, подлыми подонками бывшей зиновьевской антипартийной группы». В итоге быстрого разбирательства Зиновьев получил 10 лет тюремного заключения, Каменев – пять лет. Политбюро тогда ещё не решилось на применение против них смертной казни.

Но на ДВЖД далеко не все рабочие поверили в реальность существования партийной оппозиции. Одним из

---

²⁵ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.101. Л.18.

сомневающимся был лидер комсомола Ворошиловского ремзавода Почкалов, который заявил в январе 1935 г.: «Я лично считаю, все, о чём выступила троцкистско-зиновьевская оппозиция, глупость и абсурд».²⁶

Убийство Кирова стало поводом для дискуссий о характере власти в стране на железной дороге. Многие рабочие рассматривали убийство Кирова как эпизод политической борьбы в высших эшелонах власти. Так, 60-летний токарь депо Облучье Любарь, который был активным участником революции 1905 - 1907 годов, объяснял своим коллегам, что после смерти Ленина между Зиновьевым, который был правой рукой Ленина, и Троцким, организатором Красной Армии, началась борьба за портфели. Мнение о борьбе за власть в ЦК было распространено и на станции Архара: «В ЦК партии члены Политбюро передрались между собой, а чтобы замазать, затеяли этот процесс».²⁷

Публичное судилище над Зиновьевым и Каменевым было воспринято негативно многими сотрудниками ДВЖД. Заведующий ларьком ОРСа (Отдел рабочего снабжения) станции Платоновка Филипп Степанович Чижов разъяснял рабочим, что Зиновьева и Каменева осудили по злобе. Инженер дистанции пути комсомолец Савельев также считал, что Зиновьева и Каменева зря осудили. Он рвался в Москву, а когда вернулся из столицы, рассказал о том, что «Вся Москва бурлит, <...> вся заграничная печать протестует, а наша печать эти отклики не помещает».²⁸

Данный процесс обсуждался не только на митингах или собраниях на железной дороге, но и в рабочем общезитии, во время читок газет. Инженер и комсомолец Чепелев на комсомольском собрании искреннее удивлялся: «Что они за дураки, что признаются в своей вине и заранее обрекают себя, я бы так не сделал»²⁹. А составитель поездов Овсянников решительно заявил: «Если бы это рабочий сделал, то его бы моментально сцапали, а вот с большими людьми нянчатся». Прервал дискуссии весовщик Листратов: «Что вы разбираете это дело. По-моему нужно заботиться о себе; а что не стало одного вождя, так на его место много их найдётся». Были и те,

---

²⁶ ГАХК. Ф.Р.730. Оп.3. Д.230. Л.54

²⁷ ГАХК. Ф.Р.730. Оп.3. Д.84. Л.102

²⁸ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.379. Л.7

²⁹ ГАХК. Ф.Р.730. Оп.3. Д.84. Л.101

кто отказывался участвовать в дискуссии: «Я ваших газет слушать не желаю», или «а мне всё равно, осудят их или не осудят».³⁰

Часть высказываний отражала наивную веру в «доброе лицо отстранённых вождей. «Если бы Троцкий пришел к власти, бы, чем теперь, не было»; «Если бы у власти были Зиновьев и Троцкий, лучше было бы жить»; «Зиновьев и Каменев – мировые личности, и их судят неверно, они ищут пути, по которым легче прийти к социализму».³¹

Но среди сотрудников ДВЖД существовали и радикальные мнения о происходящем. Некоторые рабочие не верили всем вождям без исключения: «Нам всё равно Сталин или Зиновьев у власти. Сталин пожил хорошо, пусть другие поживут». Предложения рабочих отличались наивным прагматизмом: «расстреливать Зиновьева и Каменева не нужно, так как эти хорошие люди могут нам пригодиться. Нужно их осудить и послать куда-нибудь работать»; «Зачем таких умных людей расстреливать. Они ещё могут принести пользу партии».³²

Комсорг Ворошиловского ремзавода Почкалов не только отказывался принимать официальную версию о причастности Зиновьева и Каменева к оппозиции, но и критиковал местных парторгов: «Это царьки, которым дали чересчур много воли». Такая политика, по его мнению, дискредитирует власть, и вот уже: «Молодежь бросает камушки в портрет Сталина»³³. На районном совещании комсомольского актива Почкалов заступился за исключённого из РКСМ (Российский Коммунистический союз молодежи) Ракутько, сына белогвардейца и торговца. Комсорг был искренне убеждён в том, что в партии и комсомоле будут перевоспитываться и мирно «врастать в социализм» классово-чуждые элементы. Он защищал Кукушкина, дескать, тот «забитый, политически неграмотный, его пропаганда для партии не вредна и не

---

³⁰ ГАХК. Ф.П.730. Оп.3. Д.84. Л.98

³¹ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.710. Л.260

³² ГАХК. Ф.П.730. Оп.3. Д.84. Л.101

³³ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.258. Л.40

страшна»³⁴. Но вскоре появилось персональное дело на самого Почкалова, его обвинили в защите Кукушкиных, Ракутько и объявили объявили строгий выговор с предупреждением.

Но критика партии и лично Сталина среди рабочих железной железной дороги только нарастала. Начальник станции Бикин Кулиненко заявил, что не верит товарищу Сталину: «Я не понимаю, что у нас творится в партии, где же у нас внутрипартийная демократия. Организовали политотделы, которые приезжают и командуют, как генералы, мешают только работать». Подопригора, лучший ударник депо Бочкарево, высказался ещё жестче: «Всё народное хозяйство идет к развалу. Рабочие голодают, крестьянство загнано в колхозы насильно, во всем виновато руководство партии, построить социализм в одной стране невозможно. В случае войны рабочие восстанут против советской власти».³⁵

Многочисленные исключения из партии с формулировкой «За антипартийные и антисталинские высказывания» свидетельствовали о глубоком кризисе доверия на ДВЖД к правящей партии. Одним из исключенных был рабочий депо Облучье Васильев. Он объяснял рабочим, что в затруднениях в снабжении хлебом виновато руководство партии и советской власти. Речь Сталина об итогах первой пятилетки он назвал чепухой. Рабочим, склонным к доносу на своих товарищей, Васильев советовал: «Бросьте заниматься предательством, пусть этим занимаются, кому следует». О докладе В. Молотова, посвященного новой Конституции 1936 г., Васильев заметил: «Социалистическая демократия – это то, что мы снизу выбираем, а нас сверху жмут»³⁶. Интересно отметить, что большинство рабочих в депо Облучье к антисоветским высказываниям своих товарищей относилось толерантно, считая это проявлением внутрипартийной демократии. И только под нажимом инструктора политотдела за очередную шутку по докладу В. Молотова Васильев лишился партбилета.

На станции Вяземская главный кондуктор Данилин заявил комсору: «Киров нашел себе место. Найдете и вы с парторгом. Советская власть хороша, но без коммунистов». Алексей Шкарпеткин, родом из тамбовских крестьян, во время драки закричал:

---

³⁴ Там же.

³⁵ ГАПК. Ф.П.1. Оп.1 Д.358. Л.112

³⁶ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.244(а). Л.20

«Провалитесь вы с вашей советской властью, <...> ваши парторги все кровопийцы, пьют кровь хороших людей»³⁷.

Рабочие не брезговали злыми шуточками и частушками, главным персонажем был И. Сталин: «Сегодня дают пряники, потому, что в Ленинграде убили Кирова, хорошо! Убили бы Сталина, давали бы больше».³⁸

Учащиеся Шимановской ФЗУ (школа фабрично-заводского ученичества) распевали: «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал: чтобы норму хлеба не давать, мясо не показывать»; «Ленин, Сталин и Калинин – трое дураков, раскулачили богатых, добрались до бедняков».³⁹

О том, что И. Сталин далеко не всеми воспринимался как любимый вождь и отец народов, свидетельствует и тот факт, что в самый разгар репрессий 1937 г. на станции Архара был пущен слух о том, что Сталин убит. Оказалось, так подшутил над своими друзьями 17-летний киномеханик железной дороги клуба станции Архара Алешин.⁴⁰

В 1937 г. на ДВЖД за троцкизм исключены из рядов ВКП (б) 31 человек, среди них: Никитин, Благовещенский, Четыркин, Воронцов, Крячек, Михальский, Рубан, Тюрин, Горпенко, Бацыга, Артюшин, Зоров, Дудич, Литвишко, Фисенко, Коваленко, Андросов, Иванов, Меренков, Пономарев, Кучума, Забиядченко, Мальцев, Боробов, Лисовский, Корнеева, Ратаев, Кумищо, Козичев, Моисеев, Гарин.⁴¹

«Троцкистом» был объявлен Григорий Павлович Артюшин – старейший работник Уссурийской дороги (ДВЖД до 1936 г.). Член партии большевиков с 1903 г., он имел за плечами богатый политический опыт: за революционную деятельность высылался из Харбина и находился под надзором Владивостокского охранного отделения; за хранение нелегальной литературы подвергался аресту в мае 1911 г.; был

---

³⁷ ГАПК. Ф.П.82. Оп.1. Д.7. Л.39.

³⁸ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.258. Л.33.

³⁹ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.258. Л.56.

⁴⁰ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.785. Л.13.

⁴¹ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.556. Л.28.

членом районного комитета профсоюза. В советский период он возглавлял правление рабочего клуба имени К. Чумака (г. Ворошилов).

Кто-то из рабочих вспомнил о критических комментариях Артюшина в отношении сталинской Конституции, а также непопулярных решений правительства, например (о запрещении аборт). А его фраза о том, в Германии Гитлер пользуется авторитетом, была представлена как защита фашизма.⁴²

Артюшин Григорий Павлович, 1877 г. р., приговорён Верховным судом к высшей мере наказания 27 июня 1937 г. Расстрелян 27.06.37 г. Реабилитирован 19 февраля 1959 г.

Подлинное отношение рабочих к репрессиям зафиксировали сводки НКВД:

– Хороших людей расстреляли вместо того, чтобы убить Сталина.

– Не те враги, которых расстреливают, а те враги, которые расстреливают.

– Если бы Сталина убили, то у нас с властью кое-что получилось.

– Если бы они затеяли это дело в 1929 г., то, пожалуй, могли бы осуществить переворот при наличии в то время кулака в деревне, а сейчас это – безумство.

– Какой тут черт революционная бдительность, на такие порядки смотреть неохота. .... Ну и надоело все, просто хоть завали паровоз и убегай, куда глаза глядят.⁴³

Эти высказывания среди сотрудников ДВЖД свидетельствуют о том, что рабочие уже осознали свое положение обманутых властью людей. Они утратили последние иллюзии в отношении морального и нравственного облика руководства партии и правительства, однако их внутренняя готовность к насильственным действиям в отношении власти носила некий «отложенный» характер: вот если бы когда-то, а сейчас уже поздно.

Вольно или невольно, но в сознании части железнодорожников стирались грани между советским режимом и фашистским. Парторг Сидоров разъяснял, что изъятие троцкистской литературы

⁴² ГАПК. Ф.П.82. Оп.1. Д.6. Л. 20.

⁴³ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.710. Л.180

производится секретно, для того чтобы этим не воспользовались в своей контрпропаганде фашисты, потому что они также сжигали революционную литературу. Один неизвестный стрелок пожарной команды на политзанятии заявил: «Какая разница между политикой советской власти и политикой фашистской Германии, там обманывают рабочих и у нас тоже много обещают, а потом не дают».⁴⁴

На интуитивном уровне такие аналогии проявлялись даже в детских рисунках и надписях. Так комсомолец на станции Ворошилов 4 декабря 1938 г. на портрете Сталина нарисовал на обшлаге рукава свастику. А ученик Бирской школы, чья семья работала на железной дороге, сделал из бумаги самолет, а на крыльях нарисовал фашистские знаки. Свастика была и на школьных стенах, и на столах.

Было ли сопротивление или люди послушно участвовали в политическом спектакле, режиссером которого была партийная группировка, сплотившаяся вокруг Сталина? Случай массового протеста произошел на Ворошиловском ПРЗ (паровозный ремонтный завод) в апреле 1937 г. На ремзаводе около месяца работала контрольная комиссия, к которой рабочие отнеслись с недоверием. Они говорили, что у Бирюкова (председателя этой комиссии) нет разницы между людьми, честно относящимися к своим обязанностям и имеющим ошибки производственного порядка, и людьми, которые специально вредят, у него все вредители. Бурю негодования у рабочих вызвал случай с начальником одного из цехов, которого Бирюков публично оскорбил, назвав сволочью, мерзавцем и вредителем. А ведь этот человек вырос на заводе, большинство знало его как честного рабочего. Рабочие требовали доказательств: «А то оплевали, обхаркали, морально убили человека, а до конца дело не довели. Сказали, что ошиблись».⁴⁵

На пике репрессий, в июне 1937 г., появляются первые сомневающиеся: «Я не знаю, как дальше работать, смотришь – человек хороший и вдруг оказывается – шпион»⁴⁶. Многие рабочие недоумевали, ведь те люди, которые разоблачены и

---

⁴⁴ ГАХК. Ф.П.730. Оп.3. Д.83. Л.93(об).

⁴⁵ ГАХК. Ф.П.78. Оп.1. Д.525. Л.121.

⁴⁶ ГАПК. Ф.П.86. Оп.1. Д.51. Л.40.

оказались врагами народа, были коммунистами и стахановцами. Поэтому коммунисты, выдвинутые на руководящую работу вместо арестованных врагов народа, боялись брать на себя ответственность, Это не замедлило сказаться на трудовой дисциплине дисциплине среди рабочих. Участились случаи невыполнения распоряжений мастеров, появление рабочих на работе в нетрезвом виде, прогулы.

Участники партсобрания узла станции Ворошилов - Уссурийский 21 июня 1937 г. в ходе активной дискуссии раскололись на два лагеря. Голос из лагеря сторонников официальной точки зрения на разжигание террора говорил:

«Я никогда не соглашусь с тем, что отбывшие сроки наказания кулаки живут на ДВК (Дальневосточный край – прим. Авт.) и работают, как будто бы хорошо, до момента. Этим людей здесь оставлять нельзя. Я один раз выступил с критикой, так после этого на всех активах мне не давали говорить. Начальник политотдела Снедзе, которому я давал материал, мне сказал, если будешь говорить о ... взгрею, потому что он честный человек»⁴⁷. Как выяснилось, этот «правдолюб» использовал ситуацию для сведения личных счетов: поссорившись с товарищем на бытовой почве, затем разоблачил его как врага народа.

Таким образом, в Ворошиловском депо исключения коммунистов принимали кампанейский или, как выразились работники данного предприятия, «пачкообразный» характер. Вторая же волна репрессий проходила под видом ликвидации последствий вредительства, когда привлекались к ответственности тех, кто писал заявления на своих товарищей. На одном из собраний слово для исповеди дали самому клеветнику. «Сам я происхожу из семьи помещичьего батрака, если и писал заявления, то это была моя политическая ошибка. На Я. мною получены были справки из сельсовета, что родители его жены кулаки, потому я так резко и ставил вопрос о его исключении. На беспартийного бухгалтера ремзавода я писал со слов одного работника завода, который мне сообщил, что якобы у З. родственники кулаки. Поэтому, боясь, что на меня тоже будет подано заявление о непринятии мер, я и написал в партком ремзавода». В заключительном слове Н. так объяснил причину клеветы – это «созданная врагами народа обстановка друг на

---

⁴⁷ ГАПК. Ф.П.82. Оп.1. Д.16. Л.4.

друга писать заявления. На ремзаводе в партком поступило 1200 заявлений на членов партии и беспартийных, в том числе и на пять. Секретарь горкома Голяев (ныне враг народа) приезжал в партком ремзавода и требовал в приказном порядке от каждого члена парткома написать заявления. Начальник политотдела дороги Кудрявцев (ныне враг народа) по телефону спрашивал, сколько исключено коммунистов, ему отвечали – 15, он требовал больше. Я попал под влияние этих людей; за клевету на честных людей я должен понести суровое взыскание».⁴⁸

Как мы видим, поведение людей определялось как психологией социальной группы, так и индивидуальными стратегиями выживания. В январе 1940 г. собрание на Ворошиловском паровозоремонтном заводе разобрало апелляционное заявление Виктора Степановича Зорова. 29 апреля 1937 г. он был арестован органами НКВД и 25 января был осужден военным трибуналом Дальневосточной железной дороги за «связь с врагом народа» Г.П. Артюшиным. Пленум верховного суда от 22 сентября 1939 г. отменил приговор, дело прекращено за отсутствием состава преступления. Собрание, отменив своё же решение 1937 г., восстановило В.С. Зорова в членах ВКП (б).

В 1939 г. на железной дороге обострились протестные настроения в связи с неудовлетворительным снабжением рабочих продуктами питания и промтоварами. На станции Облучье работница свой отказ идти на ноябрьскую демонстрацию объяснила тем, что в магазинах нет ничего из продуктов. На Хабаровском узле ходили слухи о том, что причиной продуктовых затруднений является политика СССР: «...правительство взяло под свою защиту Западную Украину и Западную Белоруссию и туда направляет все продукты и промтовары, а нас здесь голодом морят». Сторож дровяного склада, бывший красный партизан в нетрезвом виде выражал недовольство очередями и перебоями с продуктами питания и открыто призывал: «...Долой советскую власть, скорей бы война»⁴⁹.

---

⁴⁸ ГАПК. Ф.П.82. Оп.1. Д.40. Л.70.

⁴⁹ ГАХК. Ф.П.730. Оп.3. Д.227. Л.182.

На станции Хабаровск - II на стене ларька была обнаружена листовка. Клочок бумаги размером 10x15 см., написанный ровным почерком, следующего содержания: «...Советские корреспонденты любят описывать жизнь иностранных рабочих и крестьян, <...> А встретите ли Вы в советской газете статью о плохой жизни рабочих или колхозников <...>. Долой <...> (далее следует имя вождя и всех его помощников), которых ненавидит народ».⁵⁰

Реакция на указы Президиума Верховного совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и введении платы за обучение была агрессивной. Ещё более гневной была реакция на сокращение норм выдачи некоторых продуктов питания, перебои в снабжении хлебом и промтоварами. Появились антисоветские разговоры.

Из наиболее характерных слухов выделим следующие:

«Нигде ничего не купишь <...>. Нечего сказать, дождались свободы, будем долго помнить, за что хлопали в ладоши», говорила жена работника станции Облучье.

«Зачем только пишут в газетах о разных достижениях, когда на самом деле этого нет – есть только один черный хлеб, ни жиров, ни сахара нет, как хочешь, так и живи. Нечего сказать, дождались счастливой и зажиточной жизни», – сказал рабочий склада топлива станции Облучье.

«И все эти паразиты довели, а кричат – жить стало лучше, на самом деле скоро с голоду сдохнешь, так как дают всего по килограмму на семейство», – возмущался работник ресторана станции Архара.

«От рабочего, конечно, требуют, чтобы лучше работал, а как рабочему дать что-либо к празднику, так этого нет», – обижался путевой обходчик.

«Какой год тяжелый. Указ за указом <...>. Если взять все указы вместе то, получается – хочешь, не хочешь, а тебя заставляют делать насильно, работай на том производстве, где захватил тебя указ, а не хочешь работать – иди в лагеря. Возьмите, к примеру, указ об образовании: дети уборщицы или сторожихи не смогут получить не только высшего образования, но и среднего <...>. Возвращаемся к царскому времени».

---

⁵⁰ Там же.

«Обратно все идет по старому, кто богаче, тот сможет и учить, а наш брат совок с зарплатой 175 рублей и не лезь <...>. Где вы хотели правду найти, ведь сейчас те же сидят, что сидели и раньше», весовщик станции Архара⁵¹.

Рабочие были возмущены антигуманностью политики советской власти. Культа вождя и коммунистов в сознании рядовых сотрудников ДВЖД не было и в помине. «Ведь они считают, что этим рабочих перевоспитывают <...>. Да если разобраться, то мы тоже считаемся как заключенные: рассчитаться не имеем права, опоздал – будут судить <...>. Вот этот указ направлен на кого, если не на нашего брата, рабочего. Вот вам и конституция, что сами себе не хозяева, а раньше человек был свободный сколько хочешь и где хочешь, там и работаешь»⁵².

Бывший путевой обходчик разъезда, старовер, проводил среди рабочих агитацию против указа: «Если при таких условиях кто-либо нападет на Советскую страну, то ни один человек не пойдет воевать за советскую власть, а наоборот повернет оружие против советской власти. Я больше верю Евангелию, чем законам советским»⁵³. Рабочие считали, что поднимутся все обиженные властью заключенные и крестьяне.

Сторож НГЧ-5 (дистанции гражданских сооружений), бывший кулак, прямо говорил: «Скорее бы война, да пришла бы другая власть, чтобы ещё немного пожить, так как при этой власти с голодудохнем. ...Если бы этих коммунистов не было, и власть была бы очень хорошая. Коммунистов никто не любит, они люди не нужные». Даже о событиях советско-финской войны у рабочих было свое мнение: «Советская власть ведет захватническую политику, посылая людей на смерть. Во всем виноват Сталин. Советская власть нас околпачила». Сравнивали её с крепостным правом: «Если будет война, так народ вряд ли пойдет за советскую власть воевать, потому что сейчас стало хуже, чем при крепостном праве».⁵⁴

---

⁵¹ ГАХК. Ф.П.730. Оп.3. Д.236. Л.135

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

Таким образом, как мы видим, у сотрудников ДВЖД вызывали протестные настроения не только экономические факторы, но и другие – репрессии, политические события и т.д. Но более негативную реакцию у них, несомненно, вызывали проблемы материального достатка.

В силу того, что железнодорожники, по сути, были более образованными и начитанными по сравнению со многими представителями других профессий в Советском Союзе, они больше понимали политические процессы в стране и оказались менее подвержены влиянию пропаганды. Но при этом сотрудники ДВЖД не поднимались против власти, все их протесты носили в подавляющем большинстве пассивный характер, даже когда на железной дороге начались массовые расстрелы и гонения. Мы полагаем, что причины этому были следующие:

1) по сравнению с другими категориями служащих, железнодорожники жили материально лучше, поэтому им было, что терять в случае выступлений против власти,

2) многие лидеры ДВЖД быстро попали под каток репрессивной государственной машины, поэтому возглавить акции протеста было просто некому,

3) разобщенность сотрудников железной дороги на Дальнем Востоке. Их коллектив не был сплоченным, что так же сыграло важную роль в разрозненности выражений протестов.

Но борьба властей на железной дороге Дальнего Востока против протестных настроений среди рабочих имела влияние в дальнейшем на политику Советского государства не только в стране, но и за рубежом. В частности, этот опыт был использован при работе на железных дорогах Северной Кореи против «старых» рабочих в 1945-1947 гг.⁵⁵

Библиография

Материалы из Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Материалы из Государственного архива Приморского края (ГАПК).

---

⁵⁵ Мы рассматриваем эти эпизоды в статье «Политика советских представителей на железных дорогах Северной Кореи».

Материалы из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Материалы из Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 1920-30 гг. (аспекты репрессивной политики). - Изд-во БГПУ, 2005.

Дубинина Н.И. Трагедия личности. //Дальний Восток, 1989. № 7. С. 128-135.

Еланцева О.П. Обреченная дорога: БАМ, 1932-1941. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994.

Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. - июнь 1941 г.). Кн.1. – Хабаровск: ХГТУ, 1997.

Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1991.